

Красницкая Татьяна Александровна

УПРАВЛЕНЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ЦЕРКОВНО-ШКОЛЬНОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ: ПОСЛЕДНЯЯ ТРЕТЬ XIX - НАЧАЛО XX ВЕКА

В статье раскрывается процесс формирования и развития системы управления церковными школами в Российской империи в дореволюционный период. Автор на основе широкого круга источников реконструирует управленческую структуру школ ведомства православного исповедания, определяя этапы ее развития, функции и практический опыт работы отдельных звеньев, а также механизмы взаимодействия центральных и местных властей.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/1-1/27.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 1 (15): в 2-х ч. Ч. I. С. 87-98. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/1-1/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 37.014.521

В статье раскрывается процесс формирования и развития системы управления церковными школами в Российской империи в дореволюционный период. Автор на основе широкого круга источников реконструирует управленческую структуру школ ведомства православного исповедания, определяя этапы ее развития, функции и практический опыт работы отдельных звеньев, а также механизмы взаимодействия центральных и местных властей.

Ключевые слова и фразы: система управления; церковные школы; Святейший Синод; Училищный Совет при Святейшем Синоде; Епархиальный Училищный Совет; Уездные Отделения; наблюдатели; заведующие школами.

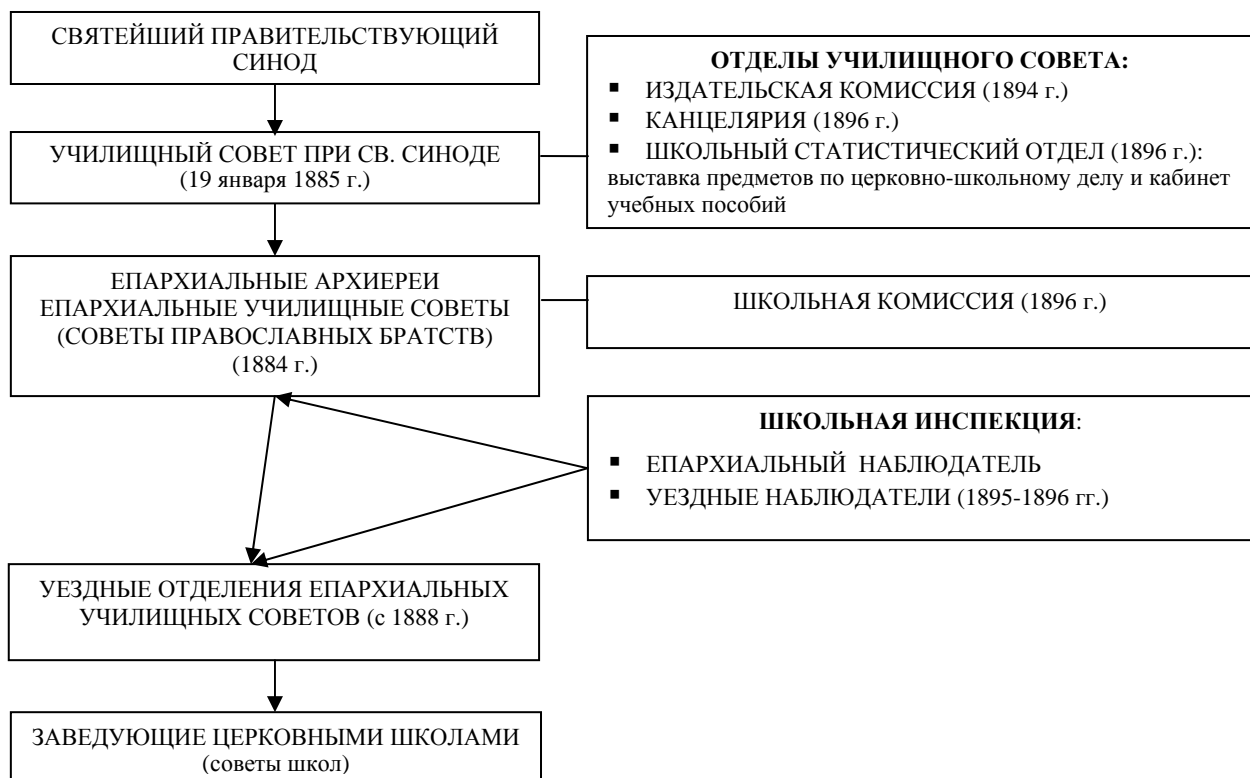
Татьяна Александровна Красницкая, к.и.н., доцент
Кафедра отечественной и зарубежной истории
Шуйский государственный педагогический университет
krasniz_t@mail.ru

УПРАВЛЕНЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ЦЕРКОВНО-ШКОЛЬНОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ: ПОСЛЕДНЯЯ ТРЕТЬ XIX – НАЧАЛО XX ВЕКА[©]

Работа выполнена в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 годы.

Исторический (дореволюционный) опыт Русской православной церкви в области народного просвещения в последние десятилетия, в силу изменившихся социально-политических изменений в стране, стал предметом изучения. В монографиях, диссертационных работах, научных статьях исследователи затрагивали различные аспекты церковно-школьной образовательной системы, в том числе и ее управленческой структуры. Но рассмотрение этой проблемы осуществлялось либо только с позиции центральных ведомств [23], без учета местной специфики, либо на узко региональном уровне [1; 3; 18; 29; 34; 35; 40]. Между тем сложившаяся до революции система управления была единым целым. А потому при ее изучении необходимо учитывать как общее, так и особенное. Архивные материалы и документальные источники по церковно-школьному образованию, отложившиеся в центральных и местных архивах, позволили реконструировать многоступенчатую систему управления церковными школами Российской империи в последней трети XIX в. – начале XX в. в масштабах страны, вместе с тем определив этапы развития, функции и практический опыт работы отдельных ее звеньев, а также механизмы их взаимодействия.

Модель системы управления церковными школами Российской империи (последняя треть XIX в. – начало XX в.)



Формирование управленческой структуры, как видно из представленной модели, происходило постепенно, по мере развития церковно-школьного дела в Российской империи. Определяющим фактором в ее становлении стали «Правила о церковно-приходских школах» 1884 г. После их утверждения высшее управление церковно-приходскими школами (кроме Рижской и Финляндской епархий, где «начальные школы православного населения имели особое устройство», а потому на них не был распространен законодательный акт 1884 г. [22, с. 61]) принадлежало Святейшему Синоду, который для «наилучшего устройства и управления» создал 19 января 1885 г. особое ведомство – Училищный Совет [7, с. 191-193]. В его состав вошли председатель, его помощник и 4 штатных члена, «близко знакомых с положением народного образования» [17, с. 180].

На рассмотрении Училищного Совета при Святейшем Синоде поступали представления и предложения епархиальных управлений, а также вопросы и заявления, возникавшие в епархиях по случаю введения «Правил о церковно-приходских школах», преимущественно о программах преподавания, об учебниках для школ, о распределении пособий от Святейшего Синода и другие. До середины 90-х годов XIX в. главными направлениями в деятельности Училищного Совета при Святейшем Синоде были разработка и издание программ для церковно-приходских школ, правил для образцовых начальных школ при духовных семинариях, «Правил для школ грамотности», т.е. документов, позволявших функционировать разным типам начальных учебных заведений, а также формирование и совершенствование управленческой структуры церковно-школьного образования.

Создание Синодального Училищного Совета являлось не только основой для последующего развития церковно-школьного образования, но и давало возможность духовному ведомству влиять на развитие начального образования в стране.

В епархиях общее заведование начальными церковными школами согласно «Правилам о церковно-приходских школах» 1884 г. находилось в руках епархиальных архиереев, в обязанности которых входило: утверждение и увольнение законоучителей и учителей, «поощрение наиболее ревностных священников и учителей», посещение образовательных учреждений, предоставление Святейшему Синоду ежегодного отчета о состоянии школ епархии.

Для решения возникавших вопросов по церковно-приходским школам в каждой епархии учреждался Епархиальный Училищный Совет. Председатель и члены Совета избирались епархиальным архиереем «из духовных и светских лиц, преданных делу народного образования и близко знакомых с бытом и духовными потребностями населения». К заседаниям Совета приглашался на правах члена местный директор народных училищ [6, с. 388].

В ряде епархий – Московской, Санкт-Петербургской, Владимирской, Смоленской, Тверской, Симбирской и др. – права Епархиальных Училищных Советов в соответствии с § 22 «Правил о церковно-приходских школах» были переданы православным братствам. Такое доверие было не случайным. В частности, во Владимирской епархии, передача прав местного церковно-школьного управления Совету братства Александра Невского объяснялась тем, что оно имело положительный опыт организации церковно-приходских школ и школ грамотности еще до 1884 г. Председателем Совета был архиепископ Феогност. Со всеми делами по школам приходское духовенство должно было обращаться к преосвященному, который с помощью секретаря разрешал все текущие дела. Совет созывался по мере надобности. Он заведовал церковными школами во Владимирской епархии до начала 90-х гг. XIX века. В 1892 г. указом от 21 июня Святейший Синод разъяснил, что этот порядок не вполне соответствует § 22 Правил 1884 года [10, с. 402]. По этим «Правилам о церковно-приходских школах» епархиальный преосвященный не может быть председателем Епархиального Училищного Совета. Поэтому в 1892 г. при Александро-Невском братстве был образован особый Епархиальный Училищный Совет. Председательство в этом Совете было возложено на викария Владимирской епархии. Первым председателем Совета был преосвященный Тихон, епископ Муромский. С 1893 г. в распоряжение Училищного Совета были переданы из Александро-Невского братства и все специально школьные суммы – запасные и расходные, поступавшие из разных источников на содержание церковных школ.

В ходе формирования системы церковно-школьного управления на местах не исключалась передача прав по заведыванию начальными школами из одного ведомства в другое. Так, в соседней Костромской епархии для управления начальными церковными школами был сначала создан Епархиальный Училищный Совет [21, д. 1674, л. 29]. Он действовал с 1884 г. по 1887 г. и с 1890 г. по 1919 г. В перерыве (с 1887 г. по 1893 г.) управление начальными учебными заведениями находилось у местного православного братства преподобного Сергия.

Несколько схожая ситуация наблюдалась в Ярославской епархии, где заведывание и управление церковно-приходскими школами до 1886 г. принадлежало Совету православного братства Святителя Дмитрия, Ростовского Чудотворца, который для противодействия местному расколу принял на себя обязанность «содействовать открытию и поддержанию» церковно-приходских школ. 4 октября 1887 г. для обсуждения вопросов по церковно-приходским школам и на основании § 22 «Правил о церковно-приходских школах» 1884 г. архиепископом Ярославским и Ростовским Ионафаном был учрежден Ярославский Епархиальный Училищный Совет [51, с. 1].

Особая ситуация была в Астраханской епархии. В силу § 22 «Правил о церковно-приходских школах» Астраханский епископ Евгений направил в Консисторию предложение от 30 октября 1884 г. за № 2231 об утверждении в г. Астрахани Епархиального Училищного Совета. Он был открыт 1 ноября 1884 г. Но он просуществовал только 5 месяцев и имел 6 заседаний, рассмотрев 45 дел. Затем Астраханский епископ Евгений, желая объединить существовавшие в Астрахани разные просветительные учреждения в одном, под своим непосредственным надзором и руководством, основал Кирилло-Мефодиевское общество ревнителей веры, просвещения и нравственности в духе святой православной церкви. Устав этого общества был утвержден 31 марта 1885 г., а 7 апреля того же года оно было открыто. Кирилло-Мефодиевское общество объединило в себе миссионерство, внебогослужебные чтения, епархиальную библиотеку, книжный склад, издание «Епархиальных ведомостей» и

церковно-школьное дело. Таким образом, 7 апреля 1885 г. Астраханский Епархиальный Совет был упразднен, а все дела и денежные суммы были переданы в Совет Кирилло-Мефодиевского общества, который стал заведовать всем церковно-школьным делом в Астраханской епархии. Председатель упраздненного Училищного Совета и почти все члены его вошли в состав членов общества. С 1 декабря 1886 г. состав членов этого Совета был увеличен и отношение его к Кирилло-Мефодиевскому обществу несколько изменилось. Все дела и бумаги, относящиеся к церковно-приходским школам, передавались на рассмотрение и утверждение в Училищный Совет. Таким образом, упраздненный Училищный Совет вновь был учрежден, но не как особое самостоятельное учреждение, «подведомое» только епархиальному архиерею, а как особое отделение Кирилло-Мефодиевского общества. Таким образом, только к 1886 г. происходит учреждение Астраханского Епархиального Училищного Совета как особого ведомства для заведования церковными школами в епархии [2, с. 67-69].

Своя специфика в системе управления отмечалась в Нижегородской епархии, где право заведывания церковными школами было отдано специально созданному православному братству во имя основателя Нижнего Новгорода Св. Благоверного Великого Князя Георгия Всеволодовича. Но при этом местным властям пришлось решать вопрос о соответствии его полномочий законодательным актам, так как устав братства во многом расходился с «Правилами о церковно-приходских школах» 1884 г. При введении их в действие управление церковно-приходских школ должно было «раздвоиться». В этом случае согласно § 22 «Правил о церковно-приходских школах» для заведования делами школ нужно было учредить наряду с советом братства особый Епархиальный Училищный Совет. В сложившейся ситуации преосвященный Макарий предоставил Совету братства Св. Георгия права Епархиального Училищного Совета, включив в число его членов несколько новых лиц и назначив председателем Училищного Совета ректора семинарии. Впоследствии по предложению преосвященного Модеста устав братства был пересмотрен и исправлен применительно к «Правилам о церковно-приходских школах». В начале 1889 г. произошел вторичный пересмотр устава, которому подчинялся Совет. Совет был разделен на два отдела – общий и особенный [50, с. 5-8].

В ходе становления системы управления на местах наблюдалось соединение прав по церковным школам Епархиального Училищного Совета и Совета братства. Подобное явление отмечалось в Казанской епархии. Это было связано с тем, что попечением о церковных школах в Казанской епархии с 1867 г. занималось православное братство Св. Гурия. До издания «Правил о церковно-приходских школах» в епархии насчитывалось 94 школы. 4 сентября 1884 г. архиепископ Казанский Палладий созвал съезд благочинных всей епархии, на котором были подробно рассмотрены новые правила и вопрос о материальных средствах для открытия церковно-приходских школ. Для ближайшего заведывания делами церковно-приходских школ Палладий поручил принять обязанности Епархиального Училищного Совета Казанскому православному братству Св. Гурия. Тогда же в состав Совета были введены новые члены, на принадлежавшие Совету братства. В таком виде Епархиальный Училищный Совет существовал до 1896 г. (в середине 90-х годов XIX в. был преобразован на общих основаниях). Вместе с тем Епархиальный Училищный Совет хотя и был соединен с Советом братства Св. Гурия, но представлял собой «инстанцию несколько отличную от совета братства» [25, с. 12].

Была своя специфика в системе управления церковными школами и в других регионах Российской империи. В частности, до начала XX в. в Грузинском экзархате управление церковными школами было распределено между четырьмя Епархиальными Училищными Советами (Грузинский, Гурильско-Мингрельский, Имеретинский и Сухумский). Отсутствие «должного единства» между ними в управлении церковными школами привело к учреждению в 1903 г. Окружного Училищного Совета Грузинского экзархата.

Особый порядок в управлении церковными школами существовал на северо-западе страны. В Прибалтийских землях после обнародования в 1884 г. «Правил о церковно-приходских школах» по распоряжению архиепископа Литовского и Виленского Александра права Епархиального Училищного Совета для всей Литовской епархии (для Виленской, Ковенской и Гродненской епархий) были даны Виленскому Свято-Духовскому братству. Во главе Литовского Епархиального Училищного Совета стал председатель Совета братства преосвященный Сергей, епископ Ковенский. В начале 1885-86 учебного года вместо получившего другое назначение преосвященного Сергея председателем Литовского Епархиального Училищного Совета стал епископ Ковенский Смарагд. 2 октября 1886 г. он скончался, и его место занял епископ Ковенский Антонин. 23 декабря 1899 г. последовало высочайшее повеление об учреждении самостоятельной Гродненской епархии, и 23 января 1900 г. епархия «была торжественно открыта». Преосвященный Иоаким, епископ Брестский, викарий Литовской епархии, был назначен епископом Гродненским и Брестским. Гродненское губернское отделение Литовского Епархиального Училищного Совета было переименовано в Гродненский Епархиальный Училищный Совет, председателем которого с 18 января 1900 г. был назначен бывший епархиальный наблюдатель церковных школ протоиерей Валериан Курганович [26, с. 22].

Обозначенный в «Правилах о церковно-приходских школах» 1884 г. порядок управления, как указывалось выше, не распространялся на Рижскую епархию. Там православные школы занимали «междуведомственное положение». В «заведывании» православных школ принимали участие как Святейший Синод, так и Министерство народного просвещения, но не напрямую, а через Совет по делам православных сельских народных училищ Прибалтийских губерний, хотя с середины 40-х до начала 70-х годов, согласно утвержденным правилам, все православные школы были подчинены епископу, а «руководство и наблюдение за школами и ответственность за оные возложена на духовенство» [41, с. 54]. С 1870 г. надзор за школами трех Прибалтийских губерний стал осуществлять Совет, состоявший из духовных и штатских лиц. Во главе Совета стоял генерал-губернатор. Непосредственное наблюдение за православными школами было поручено приходским попечительствам. Право посещать православные училища также предоставлялось благочинным. В 1873 г. для «ближайшего заведывания» народными православными школами были введены две должности инспекторов.

В ведении одного находились училища Латышского района, а в ведении другого – Эстонского района. В 1887 г. последовали новые изменения в системе управления народных школ. В Рижском учебном округе были учреждены должности директора народных училищ и 4 инспекторов. В их подчинении находились уже все народные училища, независимо от ведомственной принадлежности. Правда, в отношении православных школ была сделана оговорка: «православные сельские школы подлежали этому надзору – впредь до выработки новых о сем правил по ведомству Православного исповедания» [Там же, с. 55]. С этого времени устанавливалась система двойного инспектирования (со стороны благочинных и инспектора народных училищ), что, по отзывам современников, «не всегда благоприятно отражалось на инспектируемых школах» [Там же]. При этом первые оставались «почти единственными ревизорами», вторые же не могли уделять должного внимания, а потому сведения о православных школах в Училищный Совет поступали «весьма редко», что оказывало влияние на их дальнейшее развитие. Местные власти во главе с архиепископом пытались исправить положение, неоднократно ходатайствуя перед обер-прокурором Святейшего Синода о распространении на православные народные школы в Прибалтийском крае общего положения о церковно-приходских школах. Но все попытки оказались тщетны. Причины были разные: перемены в управлении Рижским учебным округом (1902 г.) и, как следствие, нежелание попечителя округа передавать школы Св. Синоду, отсутствие средств на содержание православных школ ввиду Русско-японской войны, разногласия по этому вопросу между Государственной Думой и Государственным Советом (1912 г.). В результате православные школы продолжали существовать, как отмечали современники, в «убогом, безвыходном» положении [Там же, с. 63].

Епархиальные Училищные Советы на местах в первые годы своего существования испытывали трудности с финансовым обеспечением сотрудников, прежде всего делопроизводителей. Средств на оплату их труда государство до середины 90-х годов XIX в. не выделяло. В этом случае местные власти самостоятельно находили иные, весьма скромные, источники финансирования. При таком положении, как отмечал духовник Астраханской семинарии протоиерей М. Благодравов, «совет не мог иметь надлежащего порядка и аккуратности по делопроизводству и архиву» [2, с. 77].

Мешали выполнению своих обязанностей и бытовые условия. Так, тот же Астраханский Епархиальный Училищный Совет не имел собственного помещения и вынужден был «ютиться» в зданиях семинарии («сначала в Правлении Семинарии, а потом в квартире надзирателя семинарии... в которой помещались канцелярия и архив и происходили заседания Советы»), а затем в сиротском приюте [Там же, с. 79-81].

Учреждение общей организации по церковно-школьному делу в 80-х годах XIX в. в пределах епархии было недостаточно. Поэтому согласно § 21 «Правил о церковно-приходских школах» для «ближайшего руководства и наблюдения» за начальными церковными школами в епархиях был введен институт наблюдателей. На должность наблюдателей назначались лица, имевшие опыт «в постановке учебного дела», обычно благочинные, их помощники или священники. Первые местными властями признавались наиболее «удобными», так как пользовались «большим авторитетом и в духовенстве, и в народе» и под их руководством заведующие школами «относились к делу с большей ревностью». Кроме того, священники-наблюдатели нередко не имели средств для инспектирования школ [31, с. 29].

Законодательным актом 1884 г. количественный состав наблюдателей не был строго определен. Во Владимирской епархии на эти должности были назначены 20 человек [22, с. 21], а в Костромской – 66 [21, д. 1674, л. 42-43], в Астраханской епархии – 15 (по числу 15 благочиннических округов) [2, с. 81], в Симбирской – 13 [46, с. 9], в Ярославской – 26 [45, с. 8], в Нижегородской епархии в 1894 г. работало 70-80 наблюдателей [50, с. 70]. В Цивильском уезде Казанской епархии за каждой школой был закреплен один наблюдатель [25, с. 23].

До середины 90-х годов XIX в. в составе окружных наблюдателей происходили частые перемены. За десятилетний период (с 1886 по 1896 г.), например, в некоторых округах Астраханской епархии сменилось по 4-5 наблюдателей [2, с. 84]. Подобное явление объяснялось разными причинами: перемещение наблюдателей из одних благочиннических округов в другие, увольнение их по распоряжению епархиального начальства или по собственному желанию (в том числе по причине отсутствия или минимального вознаграждения за этот труд) [Там же, с. 85].

Наблюдатели посещали школы своего округа, предоставляя затем отчет о состоянии данных учебных заведений в Епархиальный Училищный Совет. В своей деятельности они руководствовались особыми инструкциями, которые разрабатывались на местах (но вводились в действие в разное время: во Владимирской епархии – 1884-1885 гг., в Нижегородской – в 1887 г., в Астраханской – в 1889 г., в Костромской – в 1895 г.). В них подобно излагались обязанности наблюдателей, время посещения школ, порядок инспектирования.

Непосредственное заведывание школами возлагалось на заведующих, которые вынуждены были на местах решать возникавшие проблемы по устройству и содержанию учебных заведений. В их компетенции входил широкий круг обязанностей: «изыскание» средств на содержание школ, снабжение школ учебниками, подбор кадрового состава и другие. В некоторых епархиях существовало разделение обязанностей по школе между заведующим и специально созданным советом школы. Так, в Костромской епархии школьный совет, состоявший из священников и старосты местной церкви, преподавателей и попечителей и других «сочувствующих» лиц, разделял заботы заведующего по хозяйственной части. Аналогичные школьные советы, но с несколько иным составом (местный священник, учитель, церковный староста, депутат от сельского общества) действовали в Сухумской епархии [33, с. 22, 24].

Подводя итог начальному этапу формирования системы управления, необходимо отметить, что с введения «Правил о церковно-приходских школах» 1884 г. «началась более строгая и точная регламентация» церковно-школьного дела в епархиях, которая стала фундаментом для его дальнейшего развития.

В конце 80-х гг. XIX в. в управленческой структуре церковно-школьного образования появляется новый элемент – Уездные Отделения Епархиального Училищного Совета. Необходимость их введения была вызвана «широким развитием» церковно-школьного дела в России и, как следствие, потребностью дополнительной инстанции между епархиальным органом и отдельными школами. Училищным Советом при Святейшем Синоде был разработан проект «Правил об уездных отделениях епархиальных училищных советов», который был утвержден 28 мая 1888 г. [47, с. 169-170]. На его основании на местах («в уездных городах или других административных пунктах каждой епархии») постепенно начинают открываться Уездные Отделения Епархиального Училищного Совета.

Процесс учреждения Уездных Отделений не был единовременным во всех епархиях, он растянулся на несколько лет. Если в Казанской, Нижегородской епархиях в 1888 г. были открыты все Уездные Отделения, то в Томской епархии учреждение 8 Уездных Отделений осуществлялось в течение трех лет (с 1890 до 1893 г.) [30, с. 23], а в Астраханской епархии все отделения начали действовать спустя пять лет после выхода правил о них. В Гродненской губернии открытие Уездных Отделений относится только к 1890 г. [26, с. 51]. Поздний срок открытия Уездных Отделений объяснялся малочисленностью священников в уездных городах, из которых можно было выбрать членов в уездное управление по церковным школам, отсутствием вознаграждения за этот труд [2, с. 95-96].

Но на практике не во всех епархиях организовывались Уездные Отделения либо все-таки учреждались, но через некоторое время закрывались. Так, в 3 уездах (Тифлисский, Борчалинский и Душетский) Грузинской епархии в начале XX в. церковными школами заведовал Епархиальный Училищный Совет через уездных наблюдателей. Такое положение дел объяснялось «недостатком работников» [43, с. 97]. Подобное наблюдалось в Симбирской епархии, где при отсутствии уездных отделений школами 3-х уездов руководил Симбирский Епархиальный Училищный Совет [46, с. 27].

На местах в состав Уездных Отделений вошли духовные и светские лица, более или менее знакомые с церковно-школьным делом, «сочувствующие ему или оказывающие какие-либо услуги» [4, с. 912]. Количество членов Уездных Отделений, ввиду неопределенности в законодательном документе, было разным. Так, в Уездные Отделения Казанского Епархиального Училищного Совета входило от 2 до 26 человек [25, с. 19]. Председательство в Отделениях было поручено большей частью уездным протоиереям. Члены Уездного Отделения «избирали из своей среды» секретаря и казначея.

На Уездные Отделения возлагалось «попечение о развитии и поддержании церковно-школьного дела» (наем учителей, «изыскание» местных средств, снабжение школ книгами и учебниками, «содействие к устройству» дополнительных классов, уроков для взрослого населения, воскресных школ и др.) в пределах уезда. Им должны были предоставлять свои доклады и наблюдатели школ [4, с. 913-914]. Журналы Отделений должны были предоставляться на рассмотрение и утверждение в Совет. Но при открытии Уездных Отделений не исключалось непосредственное обращение по школьным делам к Преосвященному со стороны заведующих школами и других лиц. Так, архиепископ Владимирский и Суздальский Феогност даже поощрял такое к нему обращение, желая знать церковно-школьное дело во всех его подробностях [22, с. 24].

В конце 80-х годов – первой половине 90-х годов XIX в. происходит расширение состава Училищного Совета при Святейшем Синоде. При высшем церковно-школьном управлении появляются отделы, которые начинают осуществлять строго определенное направление работы по церковным школам. В частности, в 1887 г. в целях обеспечения начальных учебных заведений ведомства православного исповедания книгами и учебными пособиями при Синодальной Канцелярии учреждается «склад книг и учебных руководств», который в 1891 г. «для ускорения рассылки книг, наибольшего удобства по заведыванию этим делом» был преобразован в особый книжный склад при Училищном Совете. Успешная деятельность склада послужила поводом к преобразованию его в специальную Издательскую Комиссию. Она занималась вопросами издания и продажи «по удешевленным ценам» учебников, учебных пособий и книг для внеклассного чтения для школ.

В середине 90-х годов XIX в. последовали новые изменения в системе церковно-школьного управления. Они были вызваны необходимостью закрепить в законодательном порядке те меры, которые уже на практике действовали, и «дать более точную и полную организацию управления». Определяющим фактором в этом направлении стало финансовое вливание со стороны государства в систему церковно-школьного образования.

В начале 1895 г. обер-прокурор Святейшего Синода К. П. Победоносцев обратился в Государственный Совет с ходатайством об ассигновании из Государственного Казначейства на церковные школы 3 279 205 рублей. Свое ходатайство обер-прокурор сопровождал обширной докладной запиской, в которой выяснил ход развития церковно-школьного дела в России с 1884 г., достигнутые за это время результаты и тем самым установил право православных начальных школ на помощь со стороны государства. С другой стороны, в этой записке К. П. Победоносцев наметил и план дальнейшего развития церковно-школьного дела, для выполнения которого были необходимы не только местные, но и государственные средства. Просимые ассигнования предназначались и на содержание церковно-школьной инспекции.

Когда Государственным Советом было удовлетворено представление обер-прокурора, началась энергичная подготовительная работа как в центральном, так и в местном управлении церковных школ. В центральном ведомстве разрабатывалось и окончательно редактировалось «Положение об управлении церковными школами», составлялись различные руководственные указания относительно осуществления намеченного запиской обер-прокурора плана. На местах, в Епархиальных Училищных Советах и их отделениях, шла подготовительная работа для дальнейшего развития церковно-школьного дела, которое должно было начаться с получением новых средств церковными школами.

Особым циркуляром обер-прокурора Святейшего Синода от 5 июля 1895 г. Епархиальным Училищным Советам было предложено избрать кандидатов на должность уездных наблюдателей, выяснить, в каких пунктах епархии следовало бы открыть учительские второклассные школы и в каких населенных пунктах настало неотложная надобность в устройстве новых церковно-приходских школ и школ грамоты [Там же, с. 63].

Предварительную разработку этих вопросов в пределах каждого уезда Епархиальные Училищные Советы поручили Уездным Отделениям. Затем для более точного уяснения всего намеченного Уездными Отделениями были созваны чрезвычайные заседания Епархиальных Училищных Советов, в которых принимали участие председатели всех Уездных Отделений и почетные попечители церковных школ. Так, на заседании Владимирского Епархиального Училищного Совета, который прошел 16-17 октября 1895 г., были намечены кандидаты на должности уездных наблюдателей церковных школ. Большинство отделений высказалось, что исполнять обязанности наблюдателя по всему уезду одному приходскому священнику трудно, что удобно разделить наблюдение за школами между 2 или 3 священниками, разделив соответственно и предложенное вознаграждение. Но Совет не мог принять этого мнения отделения, так как оно не соответствовало циркулярному предложению обер-прокурора Святейшего Синода. В результате избрали по одному кандидату на каждый уезд, мнение же отделения постановили передать на рассмотрение Училищного Совета при Святейшем Синоде [Там же]. Постановления были приняты и по другим пунктам.

26 февраля 1896 г. было утверждено «Положение об управлении школами церковно-приходскими и грамоты ведомства Православного Исповедания», которое регламентировало функции, состав и деятельность всех органов управления. Этот нормативный акт давал центральным и местным управленческим структурам, доселе являвшимся «временными церковными учреждениями», права государственных учреждений. Вместе с Положением 1896 г. был утвержден штат Училищного Совета при Святейшем Синоде, который включал личный состав (председатель и его помощник, наблюдатель церковно-приходских школ и школ грамоты и 2 помощника, девять постоянных членов, врач, архитектор), канцелярию (делопроизводители и его помощники, бухгалтер и его помощник) и статистический отдел (делопроизводитель и его помощник). Последний «руководил» статистикой церковных школ, был создан для «постоянной осведомленности» развития церковно-школьного дела в России [48, с. 102]. Вместе с тем деятельность статистического отдела, по замыслу центральной власти, должна была «устранять те обвинения в тенденциозности церковно-школьной статистики и несоответственности ее данных с действительностью, которые иногда раздавались в некоторых органах печати» [24, с. 37-38]. При указанном отделе были организованы кабинет учебных пособий и постоянная выставка предметов по церковно-школьному делу. В кабинете находились учебные пособия (коллекции физических приборов, «наборы чертежных принадлежностей») для православных школ, изготовленные как промышленным способом, так и самодельные. Постоянная школьная выставка хранила предметы, дававшие представления о внешнем и внутреннем устройстве церковных школ (планы и фасады школьных зданий, фотографии школ и учащихся), успехах учащихся (ученические работы).

Училищный Совет при Святейшем Синоде, по сути, решал все административные (утверждение председателей Епархиальных Училищных Советов, епархиальных наблюдателей, заведующих церковно-учительскими школами, поощрение церковно-школьных деятелей и др.), учебно-воспитательные (разработка (пересмотр) и издание программ для начальных и учительских церковных школ, рассмотрение и «допущение к обращению в церковных школах книг учебных и для классного и внеклассного чтения», организация педагогических курсов для учителей и др.) и хозяйственные (составление общей сметы расходов по устройству и содержанию школ, выделение средств на содержание и ремонт школ епархий) вопросы по церковно-школьному делу. Их обсуждение проходило на очередных собраниях.

Параграф 12 «Положения об управлении школами церковно-приходскими и грамоты ведомства Православного Исповедания» предусматривал организацию чрезвычайных собраний Училищного Совета по «общим вопросам» церковно-школьного дела в расширенном составе [48, с. 97]. Известно, что они состоялись в 1898 г. и в 1910 г.

В первой половине 1896 г. на местах в соответствии с новым законодательным документом была согласована и оформлена организация и деятельность Епархиальных Училищных Советов и их Уездных Отделений. Личные составы Епархиальных Училищных Советов, за исключением новых членов, практически остались неизменными [2, с. 72; 22, с. 65; 36, с. 7-8].

«Положение об управлении школами церковно-приходскими и грамоты ведомства Православного Исповедания» не вносило коренных изменений в местную церковно-школьную деятельность, но, по признанию современников, заметно осложняло. Согласно § 26 Положения на Епархиальных Училищных Советах лежало заведование церковными школами, забота о «благоустройении» существующих и об открытии и содержании новых школ в епархиях [48, с. 98]. Более подробно функции советов в нем не объяснялись. Таким образом, на Епархиальные Училищные Советы с небольшим штатом (12 человек, исключая почетных членов) возлагалась вся ответственность за положение церковных школ в епархии. В круг их деятельности кроме вышеуказанного входило: назначение новых учителей и перемещение «старых», выдача свидетельств на льготу по воинской повинности ученикам, окончившим курс церковных школ, распределение пособий из казенных средств на устройство новых школ и ремонт существовавших, решение общих вопросов, отношения с учреждениями других ведомств, рассмотрение журналов Уездных Отделений и составление годового отчета о состоянии церковных школ в епархии. Епархиальные Училищные Советы составляли инструкции (наблюдателям, Уездным Отделениям) и дополнительные правила (устройства воскресных чтений для народа) «применительно к местным

условиям», то есть обладали правом принятия дополнительных к законодательным актам и постановлениям высшего церковно-школьного управления регламентирующих документов.

При этом нужно отметить, что на делопроизводство и канцелярские расходы Епархиального Училищного Совета с 1896 г. отпускалось по 1000 р., но этой суммы было недостаточно. Епархиальное церковно-школьное управление вынуждено было дополнять ее из местных средств (кружечные сборы, отчисления от церквей и другие).

Все вопросы решались на очередных и внеочередных заседаниях Епархиальных Училищных Советов, которые проходили несколько раз в месяц. По данным Грузинской епархии, Епархиальный Училищный Совет проводил в среднем более 33 заседаний в год. За 25 лет своей деятельности (с 1884 по 1909 г.) он провел 758 заседаний [43, с. 76]. В Казанской епархии заседания сначала проводились 2 раза в месяц, а с развитием церковно-школьного дела с середины 90-х годов XIX в. – до пяти раз [25, с. 17].

Для рассмотрения текущих и неотложных дел согласно § 32 Положения при Епархиальных Училищных Советах были образованы постоянные школьные комиссии, в которые входили председатель и два члена совета. Из последних это могли быть казначей, делопроизводитель. Свои решения они заносили в протоколы, которые «приводились в исполнение немедленно», а в конце месяца представлялись на «апробацию Совета и благовоззрение Архипастыря» [30, с. 24].

В некоторых епархиях ввиду большого объема работы образовывались особые комиссии. Так, Ярославской епархии для выполнения сложных дел по Совету в 1894-95 учебном году были образованы особые комиссии: а) для приема, распределения и рассылки по церковным школам епархии учебных книг; б) для назначения вознаграждения учителям в церковно-приходской школе; в) для сбора материала по церковным школам и представления его на Нижегородскую Всероссийскую выставку [51, с. 1, 6]. В Херсонской епархии при Епархиальном Училищном Совете были организованы так же три комиссии, но с иным фронтом работ: 1) по устройству и организации библиотек для церковных школ; 2) по устройству и организации воскресных школ; 3) по устройству и ведению религиозно-нравственных чтений для народа [33, с. 10, 12].

Через несколько лет (в 1899 г.) после издания «Положения об управлении школами церковно-приходскими и грамоты ведомства Православного Исповедания» Святейшим Синодом в целях успешного развития церковно-школьного дела епархиальным преосвященным было разрешено вводить в состав Епархиальных Училищных Советов и Уездных Отделений почетных и сверхштатных членов. Последних не должно было быть более 1/3 штатных лиц. В заседаниях местного церковно-школьного управления им предоставлялось право голоса [Там же, с. 11]. Центральные власти желали видеть в числе сверхштатных членов местных органов управления церковными школами одного из чинов управления государственными имуществами (в целях «наиболее благоприятного разрешения ходатайств об отводе церковным школам казенной земли и о безмездном отпуске им топлива, а также леса на устройство зданий»), миссионеров («в видах взаимодействия как деятелей школы, так и миссии в общем деле попечения об охранении подрастающих поколений православного населения от приражения к ним лжеучений и о просвещении истины детей заблудших») [Там же, с. 12].

Сверхштатными членами, например, в Казанском Епархиальном Училищном Совете были епархиальный противораскольнический миссионер М. Н. Васильевский (с 1903 г.), заведующий Казанской церковно-учительской школой архимандрит Кирилл (с 1907 г.) и делопроизводитель священник В. В. Михайлов (с 1907 г.) [25, с. 15].

Епархиальный Училищный Совет объединял и направлял деятельность Уездных Отделений, на которые был возложен весь труд по организации и развитию церковных школ в пределах уезда. Их деятельность, судя по журналам, была сложна и многогранна. Они, по замечанию современников, «всякое дело» представляли в вышестоящие инстанции в «готовом виде», «обследовав со всех сторон» [30, с. 25].

Решения по тем или иным вопросам Уездными Отделениями также принимались на заседаниях. Число заседаний в каждом уезде епархии было различным. В 1899 г. во Владимирской епархии число заседаний по уездам колебалось от 6 до 31 [8, табл. 7]. В Костромской епархии за тот же год в уездах заседаний было в пределах 3-16 раз [38, табл. 7]. Кстати, в Костромской епархии заседания уездных отделений часто проходили во время уездных съездов, чтобы их могли посещать земские начальники [37, с. 13].

Церковно-школьная деятельность благодаря помощи со стороны государства развевывалась шире. Численность духовных учебных заведений с каждым годом увеличивалась, появлялись новые виды церковных школ. На руках Уездных Отделений оказывались крупные казенные суммы, в их распоряжение передавались тысячи учебных книг. Для того чтобы распорядиться этим, требовалось немало забот, прежде всего, со стороны его должностных лиц – председателя, казначея и делопроизводителя. Труд их был бесплатным или малооплачиваемым. На единовременное вознаграждение местных деятелей по управлению церковными школами в России ежегодно ассигновалось 11 800 руб., но из этой суммы за 10 лет со времени введения «Положения об управлении церковными школами» не все еще председатели отделений Владимирского и Костромского Епархиальных Училищных Советов успели получить по одному разу обычного вознаграждения (по 200 руб.) [21, д. 709, л. 1-33; 22, с. 72].

«Положение об управлении школами церковно-приходскими и грамоты ведомства Православного Исповедания» 1896 г. внесло изменение в организацию института наблюдателей. Вместо окружных наблюдателей, которые исполняли свои обязанности до половины 1896 г., была учреждена церковно-школьная инспекция. Она состояла из епархиального и уездного наблюдателей. Должность епархиального наблюдателя в 13 не земских губерниях была введена еще в 1893 г. (в связи с увеличением пособия из земских сборов на содержание церковных школ), в других епархиях – в 1895 г. [19, д. 72, л. 1; 36, с. 31].

Число уездных наблюдателей по новому положению должно было соответствовать количеству уездов, но были и исключения. Так, в Литовской епархии было избрано 2 уездных наблюдателя (один для надзора за церковными школами Виленской и Ковенской епархии, другой – для Гродненской епархии), в 9 уездах Гродненской епархии – 13 уездных наблюдателей (в Гродненском, Волковысском, Сокольском, Белостокском и Кобринском – по одному, а в остальных четырех уездах по два) [26, с. 73-77]. Такое положение дел объяснялось тем, что на должность уездных наблюдателей назначались приходские священники, которые в силу своей занятости не могли выполнять свои обязанности в полном объеме. Впоследствии этот вопрос был окончательно решен, и в 1902 г. в 7 уездах Гродненской губернии должность уездного наблюдателя заняли бесприходные священники, которые могли «всцело отдаться» школьному делу [Там же, с. 86].

С 1 июля 1896 г. наблюдатели (за редким исключением, например, в Астраханской епархии, где уездные наблюдатели были утверждены только в октябре 1896 г., так как этот вопрос ввиду «обширности уездов Астраханской губернии и небольшого сравнительно количества приходов в них, при ограниченности ассигнованных на уездную инспекцию денежных средств» «потребовал не мало суждений и времени для целесообразного разрешения» [2, с. 124]) церковных школ вступили в свои обязанности и стали получать казенное жалование, размер которого зависел от количества церковных школ в каждом уезде. Минимальное вознаграждение в большинстве случаев оставляло – 360 руб., а максимальное – 1200 руб. (за исключением Грузинского экзархата – 4000 руб.) [33, с. 55-62].

Вознаграждение уездных наблюдателей по сравнению со штатами Министерства народного просвещения было более чем скромным. Так, инспектор народных училищ с канцелярскими и разъездными за такой труд получал 3600 руб. Объясняли такую разницу в оплате тем, что уездные наблюдатели в то же время состояли приходскими священниками, и наблюдательство было побочным трудом. В некоторых епархиях были и бесприходные наблюдатели, но и они получали по 1200 руб. в год, хотя под их надзором находилось не менее 100 школ [13, с. 255].

Внушительная разница была и в ассигновании средств на надзор за церковными школами и школами Министерства народного просвещения. Так, в 1912 г. во Владимирской епархии было не более 1 250 министерских школ, а наблюдение за ними стоило более 50 000 руб., церковных школ было лишь 530, а наблюдение обходилось лишь в 8 000 руб. [Там же].

В 1900 г. был увеличен оклад уездного наблюдателя из бесприходных священников, в подчинении которого было свыше 100 школ, до 1 200 рублей в год, а также установлено право на пенсию в размере 500 рублей через 25 лет службы [24, с. 40]. В 1902 г. последовало добавочное вознаграждение уездным наблюдателям из бесприходных священников. Через 12 лет последовало увеличение окладов (и пенсий) как епархиальных, так и уездных наблюдателей. Но вместе с тем повышались требования для лиц, занимавших эти должности. В частности, наблюдатели должны быть с высшим или средним образованием, иметь 5-летний опыт педагогической службы. Полностью обновить состав уездных наблюдателей по новому закону до 1917 г. не удалось. В целом этот закон способствовал улучшению положения наблюдателей в стране [49, с. 79-86].

Утверждение специальной церковно-школьной инспекции по положению 1896 г. было вполне своевременным. В целях лучшего руководства школьным делом необходимо было объединить надзор в уездах и епархии, предоставив в каждом уезде наблюдение одному лицу, а во главе уездных наблюдателей поставить епархиального. Надзор осуществлялся наблюдателем посредством посещения церковных школ не менее 2 раз в год. По мере возможности посещение школ происходило чаще. Отчеты уездных наблюдателей показывают, что больше всего внимания они уделяли обзору второклассных и двухклассных церковно-приходских школ. Бывали случаи, когда какие-то школы наблюдателями не посещались. Так, в Костромской епархии осталась без обозрения в 1900 г. 31 школа, в 1910-11 г. – 1 школа грамоты [28, с. 54; 39, с. 23]. Подобное явления объяснялось различными неблагоприятными условиями.

Но процент обзора церковных школ был весьма высокий. В 1913-14 учебном году уездные наблюдатели Российской империи могли посетить 49 824 церковные школы, а епархиальные – 6 524 [49, с. 79-86].

Во время ревизии школ уездные наблюдатели (в некоторых епархиях действовали на основании специально разработанной инструкции [33, с. 38-49]) обращали внимание как на учебно-воспитательную, так и хозяйственную стороны, при необходимости делая замечания и давая советы учителям и заведующим. Ревизия школ, по сведению Макарьевского уездного наблюдателя Костромской епархии, происходила следующим образом: «Проверивши успехи по всем предметам, обыкновенно наблюдатель предлагал учителю дать урок по тому предмету, успехи по которому сравнительно низки, и если оказывалось, что молодые и неопытные учителя не обладают умением правильно вести урок по какому-либо предмету... то уездный наблюдатель давал примерные уроки по этим предметам. Просматривались письменные работы учащихся и иногда давались и тут же проверялись диктанты.<...> Уездный наблюдатель наводил справки, исправно ли посещают школу учащиеся, имеется ли в школе расписание уроков, правильно ли оно составлено и строго ли выполняется. Тут же... удостоверяться, ежедневно ли читаются утренние и вечерние молитвы, исправно ли учащиеся посещают храм Божий в воскресенье и праздничные дни. <...> Обращалось внимание на классную дисциплину и на то, какими мерами она поддерживается, на внешний вид учащихся... Производился осмотр классной комнаты с целью проверить, поддерживается в ней должная чистота, целесообразно ли расположена классная мебель. Проверялась школьная библиотека. <...> Обращалось внимание и на то, подготовленным ли является в класс учитель. <...> По окончании осмотра школы уездный наблюдатель в квартире учителя или заведующего вел беседу с преподавателями школы по поводу замеченных хороших или дурных сторон учебно-воспитательного дела в школе, причем делались необходимые советы и указания. Всегда обращалось внимание на материальное и нравственное положение учителя или учительницы» [39, с. 23-24].

Результаты наблюдений заносились в лучших случаях в классный журнал. В Костромской епархии уездные наблюдатели при обозрении школ вели дневники, а в Волынской епархии – заносили информацию в особые книги. О своих наблюдениях они докладывали уездному отделению и епархиальному наблюдателю, а по истечении года составляли отчет.

В круг деятельности наблюдателей также входили вопросы «приискания правоспособных кандидатов» на должность учителя, снабжение школ учебниками и учебными пособиями, рассмотрение просьб и жалоб, составление проектов экзаменационных комиссий. Таким образом, труд наблюдателей был весьма сложный и разнообразный.

Епархиальный наблюдатель (в некоторых епархиях действовал на основании специально разработанной инструкции [33, с. 30-35]) проверял деятельность уездных отделений, руководил уездными наблюдателями, а также посещал школы, непосредственно знакомясь с положением дела в них, и там иногда проверял деятельность уездных наблюдателей. Владимирский епархиальный наблюдатель В. Г. Добронравов в годовом отчете о церковно-приходских школах и школах грамоты за 1900-1901 годы по поводу ревизий учебных отделений отмечал: «...деятельность отделений проверялась сначала на местах – через посещение школ, а потом по делопроизводству уездных отделений при общем собрании всех членов или в частных беседах с их представителями... им указывалось, какая из деятельности их требует большего развития, совместно обсуждались условия... обращалось внимание на движение денежных сумм...». В отношении посещения школ В. Г. Добронравов указывал, что сделал «13 поездок, различных по продолжительности времени и неодинаковых по количеству школ», с августа по март месяц [20, д. 13, л. 6-7, 9].

Школы посещали также председатели и члены Епархиального Совета, Уездных Отделений главным образом как лица экзаменационных комиссий. Некоторые из них были в церковных школах и в учебное время. Нередко начальные учебные заведения духовного ведомства удостоивались внимания епископа, начальника губернии, инспекторов Министерства народного просвещения, земских лиц (предводители дворянства, члены земских управ, земские начальники). В 1885-86 учебном году некоторые церковные школы Гродненской епархии посетил член Училищного Совета при Святейшем Синоде В. И. Шемякин. Общее состояние церковно-школьного дела произвело на него благоприятное впечатление, но в своем докладе он отмечал недостаток в школах учебников и «ограниченное умственное развитие учителей» [26, с. 37]. Школы разных епархий в 1897-1898 годах посещал помощник наблюдателя церковных школ, статский советник А. М. Ванчаков [27, с. 717; 46, с. 90]. Он же, как наблюдатель церковных школ империи, производил ревизию начальных учебных заведений духовного ведомства. В 1899 г. наблюдатель церковных школ В. И. Шемякин приезжал и в Астрахань [2, с. 79]. После ревизии школ высшим начальством нередко следовали распоряжения [46, с. 90].

В целях объединения надзора за школами, а главным образом объединения руководства учебно-воспитательным делом и совместного обсуждения разных сторон церковно-школьной жизни епархиальным наблюдателем устраивались собрания или съезды уездных наблюдателей. Они при взаимном общении могли объединяться в своих действиях по заведению церковными школами, поделиться опытом.

На съездах обсуждались практически все вопросы, касающиеся церковно-школьного дела. На съезде в 1903 г. во Владимирской епархии рассматривались следующие вопросы: о лучшей постановке обучения пению в школах, о снабжении школ учебниками, о кружках для сбора пожертвований в пользу той или иной школы, о «пользовании школьными библиотеками и взрослым населением», об организации выпускных и переводных испытаний в школах, об устройстве школьных праздников, об урегулировании отношений между земскими и церковно-приходскими школами, находящимися в одном селении, об организации народных чтений при школах, об устройстве курсов для учителей в церковно-приходских школах и школах грамоты, об учреждении уездных учительских собраний, о благоустройстве церковных школ в учебно-воспитательном и хозяйственном отношении, об учреждении общества взаимопомощи для учителей в церковных школах, об устройстве церковно-школьных попечительств, об утверждении «запасных учителей», об участии благочинных в церковно-школьном деле и об увеличении школьного курса до 4 лет в одноклассных школах [9, с. 439-453].

На них принимались важнейшие решения. Так, на съезде наблюдателей Костромской епархии в июле 1898 г. была выработана подробная инструкция заведующего школой. На съезде в Киеве в 1894 г. был выработан проект правил, в которых подробно изложены все обязанности приходского священника как заведующего школой. В Ярославской епархии на съезде обменивались мнениями, выясняли нужды церковной школы и принимались решения для более лучшего устройства и развития церковно-школьного дела в епархии [45, с. 27]. Съезд наблюдателей Калужской епархии, состоявшийся летом 1899 г., признал желательными съезды заведующих церковно-приходских школ для взаимного ознакомления с особенностями подведомственных им школ и ведением в них учебно-воспитательного дела [33, с. 20].

Иногда съезды собирались и в расширенном составе. Особый съезд состоялся 13 мая 1899 г. в Самарской епархии, в котором приняли участие представители восьми приволжских инородческих губерний под председательством епископа Самарского и Ставропольского Гурия. На нем присутствовал наблюдатель церковных школ, действительный статский советник В. И. Шемякин и окружной наблюдатель церковных школ, действительный статский советник И. А. Износков, а также другие представители церковно-школьного дела. Съезд обсуждал вопросы по просвещению инородцев, по постановке инородческого образования [31, с. 36]. В Казанской епархии в 1900 г. проходил съезд уездных наблюдателей, в котором принимали участие заведующие и учителя второклассных школ [25, с. 26]. В Костромской епархии в 1911 г. проходило совещание всех церковно-школьных деятелей [32, с. 118-119]. Во Владимирской епархии в 1912 г. и в 1916 г. были съезды, в которых принимали участие не только уездные наблюдатели, но и председатели уездных отделений [12, с. 889-892; 14, с. 299-304; 15, с. 7-10].

Потребность в расширенных съездах была вызвана значительными изменениями в положении церковно-школьного дела, а также сложностью рассматриваемых вопросов, которые требовали совместного обсуждения.

Постановления съездов обыкновенно представлялись на рассмотрение епархиального преосвященного, а затем обсуждались в Епархиальном Училищном Совете. По принятии их Советами вводились в действие в школах епархии. Не все из постановлений съездов выполнялись, но это уже не зависело от деятельности наблюдателей.

Представители местного школьного управления и надзора принимали участие в обсуждении общих вопросов по образованию в различных центральных съездах и собраниях. С 27 февраля по 12 марта 1901 г. Костромской епархиальный наблюдатель находился на съезде по народному образованию при управлении Московского учебного округа [39, с. 18]. На втором съезде Училищного Совета при Святейшем Синоде, который проходил 3-8 мая 1910 г. в Петербурге, присутствовал Владимирский епархиальный наблюдатель В. Г. Добронравов. В 1917 г. на Всероссийский Поместный Собор были делегированы от Владимирской губернии высокопреосвященнейший Сергей, епархиальный наблюдатель В. Г. Добронравов, редактор журнала «Владимирские епархиальные ведомости» Н. В. Малицкий [11, с. 379; 16, с. 319].

В конце XIX – начале XX в. преобразования церковно-школьного управления практически не затронули ее начальное звено – заведующих начальными церковными школами, чей круг обязанностей остался прежний. Напротив, учительские школы, получившие в указанный период широкое распространение, имели свои особенности в системе управления. Во второклассных и церковно-учительских школах непосредственным начальником был заведующий, который при решении учебных и хозяйственных вопросов опирался на совет школы. Председателем совета был заведующий школой. В совет входили штатные учителя. В заседаниях совета могли принимать участие (с правом голоса): попечитель или попечительница, врач, законоучитель и учитель образцовой школы, нештатные учителя. В 1904 г. особым определением Святейшего Синода вопросы по хозяйственной части церковно-учительских школ были предоставлены (кроме совета школы) Епархиальным Училищным Советам, что объяснялось тем, что школы испытывали «затруднения с ведением школьного хозяйства» [44, с. 86-87].

Особую роль в системе управления выполняли попечители. Согласно законодательным актам, касающимся церковных школ, лицо, учредившее школу на собственные средства, могло быть утверждено епархиальным архиереем в звании попечителя этой школы. Те же, кто обнародовал «особую ревность в распространении народного образования в духе православной церкви», утверждались Святейшим Синодом в звании почетных попечителей церковных школ одного или нескольких благочиннических округов [5, с. 475-476]. Если школа открывалась обществом или учреждением, то они сами избирали из своей среды попечителя [6, с. 387].

Каждая школа могла иметь только одного попечителя [33, с. 64]. Попечителями разрешалось быть лицам (православного исповедания, в исключительных случаях – из «инославного христианского исповедания») как женского, так и мужского пола. Причем лица женского пола имели право быть попечительницами мужских второклассных школ [Там же]. В круг попечителей не допускались «содержатели питейных заведений и другие служащие в сих заведениях» [Там же]. Попечительство освобождало лицо от телесных наказаний [Там же, с. 65]. Попечитель из крестьян мог еще рассчитывать на освобождение от натуральных повинностей [Там же, с. 67].

Попечители обладали определенными правами. В частности, могли участвовать в собраниях Училищного Совета при Святейшем Синоде, состоять членами Епархиальных Училищных Советов, присутствовать на заседаниях Уездных Отделений Епархиальных Училищных Советов. По «Правилам о церковно-приходских школах» 1884 г. они имели право ходатайствовать о нуждах вверенных им церковно-приходских школ как перед местным начальством, так и в высшем духовном управлении [6, с. 387]. По «Правилам о школах грамоты» 1891 г. попечитель вместе с приходским священником должны были заботиться об устройстве школьного посещения, о начале школьного учения, об исправном посещении учениками храма [5, с. 476], то есть о хозяйственной части учебного заведения. Но в то же время попечителям предоставлялось право присутствовать на экзаменах.

Особые права были у попечительницы главной в Российской империи церковно-учительской школы – Свято-Владимирской в Санкт-Петербурге. Она, в отличие от других, «ведала» не только хозяйственной частью, но и учебной. В частности, являясь председателем совета школы, осуществляла «непосредственный надзор за ходом преподавания и воспитания», избирала и увольняла «всех должностных лиц в школе», распоряжалась финансовыми средствами [33, с. 67].

Вообще же деятельность попечителей в России регламентировалась «Правилами для попечителей и попечительниц церковных школ» 1898 г. [Там же, с. 66-67].

Попечители школ церковных и земских, по замечанию статистов, в положении различались. Первый не нес «обязанностей распорядителей» и был лишь «почетным опекуном школы», на нравственной основе которого лежали «заботы о ее материальном процветании и развитии» [42, с. 160].

В числе попечителей встречались представители всех сословий. Безусловно, школа, имевшая попечителя из высшего сословия, могла рассчитывать на значительные ассигнования. Но попечителей имели не все церковные школы Российской империи.

Установившаяся с середины 90-х годов XIX в. единая система управления православными школами Российской империи существовала до 1917 г. Это была достаточно «стройная и прочная» централизованная система церковно-школьного управления и надзора. Ее костяк образовывали Училищный при Святейшем Синоде Совет, Епархиальные Училищные Советы и Уездные Отделения, наблюдатели, заведующие школами. Каждый из них, имея единый принцип организации, выполнял свои, определенные законодательными документами, функции. Деятельность местных органов управления была строго подчинена центральному ведомству, что обеспечивало единство и порядок в образовательном пространстве Русской православной церкви.

Список литературы

1. Басалаев А. Е. Церковно-приходские школы и школы грамоты Забайкальской области: 1884-1917 гг.: дисс. ... канд. ист. наук. Чита, 2000.
2. Благонравов М. Церковные школы Астраханской епархии в XIX веке и состояние учебного дела вообще в XVII и XVIII веках. Астрахань, 1906.
3. Веденский Е. С. Деятельность Русской православной церкви в области начального народного образования во второй половине XIX – начале XX в. (по материалам Ярославской и Костромской губерний): дисс. ... канд. ист. наук. Ярославль, 2003.
4. Вестник Владимирского губернского земства. 1888. № 20.
5. Там же. 1891. № 12.
6. Владимирские епархиальные ведомости. 1884. № 16.
7. Там же. 1885. № 8.
8. Там же. 1900. № 17.
9. Там же. 1903. № 19.
10. Там же. 1904. № 13.
11. Там же. 1910. № 21.
12. Там же. 1912. № 42.
13. Там же. 1913. № 10.
14. Там же. 1916. № 48-49.
15. Там же. 1917. № 1-2.
16. Там же. № 35.
17. Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшаго Синода К. Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1885 г. СПб., 1887.
18. Гизей Ю. Ю. Церковно-приходская школа Западной Сибири конца XIX – начала XX в. (по материалам Томской епархии): дисс. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2004.
19. Государственный архив Владимирской области (ГАВО). Ф. 450. Оп. 1.
20. ГАВО. Ф. 450. Оп. 2.
21. Государственный архив Костромской области (ГАКО). Ф. 438. Оп. 1.
22. Добронравов В. Исторический очерк церковных школ Владимирской епархии с 1884 по 1909 гг. Владимир, 1909.
23. Житенев Т. Е. Церковно-приходские школы в России: 1884-1918 гг.: дисс. ... канд. ист. наук. М., 2004.
24. Записка о церковных школах: общий обзор школьной деятельности Православного духовенства. 2-е, исправл. и дополн. издание Училищного Совета при Святейшем Синоде. СПб., 1907.
25. Захарьевский П. Церковные школы Казанской епархии за 25 лет их существования: 1884-1909: историко-статистический обзор. Казань, 1909.
26. Корчинский И. В. Очерк истории церковно-школьного дела в Гродненской губернии в XIX столетии, составленный по данным архива Гродненского Епархиального Училищного Совета и другим источникам. Гродно, 1903.
27. Костромские епархиальные ведомости. 1897. № 24.
28. Там же. 1912. Приложение к № 12-16.
29. Красницкая Т. А. Церковно-школьное образование в Шуйском уезде Владимирской губернии: XIX – начало XX в. Шуя, 2010.
30. Краткий обзор церковно-школьного дела в Томской епархии за 1884-1909 гг. Томск, 1910.
31. Матюшенский А. Церковно-приходские школы Самарской епархии за 50-ть лет ее существования (1851-1901 гг.). Самара, 1901.
32. Народное образование. 1911. Декабрь.
33. Настольная книга по церковно-школьному образованию / сост. В. С. Лотоцкий, К. А. Сендульский. Одесса, 1903.
34. Наумова Н. Н. Церковно-приходские школы и школы грамоты Восточной Сибири в 1884-1917 гг. (на материалах Иркутской и Енисейской епархий): дисс. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2002.
35. Осипов О. В. Церковно-приходские школы Оренбургской епархии: 1864-1917 гг. Челябинск, 2004.
36. Отчет Костромского Епархиального Училищного Совета о состоянии церковно-приходских школ и школ грамоты Костромской епархии в 1895/6 учебном году. Кострома, 1897.
37. Отчет Костромского Епархиального Училищного Совета о состоянии церковных школ в 1898 г. Кострома, 1899.
38. Отчет о состоянии церковных школ Костромской епархии в учебно-воспитательном отношении за 1898/99 учебный год. Кострома, 1900.
39. Отчет о состоянии церковных школ Костромской епархии в 1900 году. Кострома, 1902.
40. Петренко І. М. Церковнопарафіяльні школи Лівобережної України в системі освітньої політики уряду Російської імперії: 1884-1917 рр. Полтава, 2008.
41. Православные народные школы в Прибалтийских губерниях: историческое значение их и современное бедственное положение. СПб., 1914.
42. Сборник статистических и справочных сведений по народному образованию во Владимирской губернии. Владимир на Клязьме, 1900. Вып. III.
43. Татиев Н. Г. Исторический очерк развития церковно-школьного дела Грузинской епархии за 25 лет: 1884-1909. Тифлис, 1913.
44. Указания и распоряжения правительства и высшего церковно-школьного управления по делам церковных школ за 1902-1905 гг. СПб., 1914. Вып. I-IV.
45. Успенский И. П. Церковные школы Ярославской епархии за двадцать пять лет: 13 июня 1884 г. – 13 июня 1909 г. Ярославль, 1909.
46. Церковная школа в Симбирской епархии с 1884 года по 1908 год: историко-статистическая записка, составленная Симбирским епархиальным училищным Советом. Симбирск, 1909.
47. Церковные ведомости. 1888. № 27.

48. Там же. 1896. № 12-13.

49. Там же. 1917. № 4.

50. **Церковные школы Нижегородской епархии за последние одиннадцать лет: 1884-1895:** историко-статистический очерк. Нижний Новгород, 1896.

51. **Ярославский Епархиальный Училищный Совет и краткий обзор деятельности его за двадцать пять лет существования: 4 октября 1887 г. – 4 октября 1912 г.** Ярославль, 1913.

CHURCH-SCHOOL EDUCATION SYSTEM MANAGEMENT STRUCTURE WITHIN RUSSIAN EMPIRE: THE LAST THIRD OF THE XIXTH – THE BEGINNING OF THE XXTH CENTURY

Tat'yana Aleksandrovna Krasnitskaya, Ph. D. in History, Associate Professor
Department of Native and Foreign History
Shuisk State Pedagogical University
krasniz_t@mail.ru

The author reveals the process of church schools management system formation and development within the Russian Empire in the pre-revolutionary period, reconstructs the management structure of Orthodox faith establishment schools basing on a wide range of sources and determines the stages of its development, the functions and practical experience of individual units work as well as the mechanisms of central and local authorities interaction.

Key words and phrases: management system; church schools; Holy Synod; school council under Holy Synod; eparchial school council; district departments; observers; school principal.

УДК 303.01

В статье анализируются модели принятия решений, созданные в теории рационального выбора, ставшие теоретическим фундаментом для изучения политико-управленческих процессов нового типа, описываемых научными концепциями «good governance», «state capacity» и «policy networks». Расширение практики выработки коллективных политико-административных решений выдвигает задачу исследования рациональности как метода оценки качества решений и способа декомпозиции процессов и структур их принятия.

Ключевые слова и фразы: теория рационального выбора; рациональность; границы рациональности; ограниченная рациональность; принятие решений в политике и управлении.

Татьяна Александровна Кулакова, к. социол. н., доцент
Кафедра политического управления
Санкт-Петербургский государственный университет
Koulakova812@mail.ru

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОНЯТИЯ «РАЦИОНАЛЬНОЕ» В ТЕОРИИ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ В ПОЛИТИКЕ И УПРАВЛЕНИИ[©]

Интерес к проблеме рациональности с начала XX в., а особенно в 1970-1980-е годы, в отечественной и зарубежной науке объясняется тем, что это был вопрос жизненно-практический в эпоху индустриальной и постиндустриальной цивилизации. Неоспоримые успехи рационального сознания, мышления и действия в развитии науки, научной рациональности, в становлении научно-технической цивилизации привели к распространению сциентизма, и, по выражению Г. Рейхенбаха, «вера в науку в значительной мере заменила веру в Бога» [13, с. 91].

Выяснением того, «какие типичные ситуации развитого индустриального общества усиливают... определенные виды рациональности», занимался Карл Мангейм, вводя дефиниции «субстанциональной» и «функциональной» рациональности [6, с. 293]. Под субстанциональной рациональностью он понимал «акт мышления в той мере, в какой он стремится постигнуть объективно наличные предметность и ситуацию и в большей или меньшей степени достигает этой цели», функциональная же рациональность определена им как «то, что ряд действий организован таким образом, что ведет к поставленной цели, вследствие чего каждый член таких действий обретает по занимаемому им месту функциональную ценность» [Там же, с. 294]. По мнению Мангейма, только индустриализация как специфическая организация общества заставляет людей подчиняться функциональной форме рациональности, поскольку она парализует способность к суждению большинства индивидов, оставляя ее за немногими. Это наблюдение приводит Мангейма к выводу о том, что «наиболее характерная черта современного мышления состоит в попытках добиться полной рационализации мира. Развитие естественных наук есть не что иное, как последовательное стремление к этой цели, которая, несомненно, существовала и раньше» [Там же, с. 583] – и в античной науке, и в средневековой европейской, и в восточной традициях существовали рациональные элементы, но наряду с нерациональными.